

Н О В Ы Й М И Р

К Н И Г А
Ч Е Т В Е Р Т А Я

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНЫ, РАССКАЗЫ, ПОЭМЫ,
ВОСПОМИНАНИЯ:

ВС. ИВАНОВ
ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ
БОР. ПИЛЬНЯК
ПАВЕЛ НИЗОВОЙ
АЛ. ТОЛСТОЙ
И. ЛЕЖНЕВ

ЛЮДИ И ФАКТЫ:
МАКС ЗИНГЕР
МИХ. РОССОВСКИЙ
И. СКЛЯРОВ

ЗА РУБЕЖОМ:
БЕЛА КУН
Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:
МАРИЭТТА ШАГИНЯН
И. АНИСИМОВ

М О С К В А
1 . 9 . 3 . 4

ПРОИЗВОДСТВО
ТРЕСТА
БЕЛГОСКИНО

НА ЭКРАНЫ
СОЮЗА
ВЫПУЩЕН

НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗВУКОВОЙ ФИЛЬМ

КОРУЩИК И ВОЛК

Сценарий
Юр. ТЫНЯНОВА.
Режиссер
Александр ФАЙНЦИММЕР.
Композитор
Сергей ПРОКОФЬЕВ.
Оператор
Аркадий КОЛЬЦАТЫЙ.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

ПАВЕЛ I — заслуж. арт. Республики
М. ЯНШИН.
Граф Пален — заслуж. деятель искусства
Б. ГОРИН-ГОРЯИНОВ.
Адъютант — Эрнст ГАРИН.
Фрейлина — арт. Н. ШАТЕРНИКОВА.
Ее компаньонка — арт. С. МАРГА-
РИЛЛ.
Комедант — заслуж. арт. Республики
М. РОСТОВЦЕВ.

Н О В Ы Й М И Р

К Н И Г А
Ч Е Т В Е Р Т А Я

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНЫ, РАССКАЗЫ, ПОЭМЫ,
ВОСПОМИНАНИЯ:

ВС. ИВАНОВ
ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ
БОР. ПИЛЬНЯК
ПАВЕЛ НИЗОВОЙ
АЛ. ТОЛСТОЙ
И. ЛЕЖНЕВ

ЛЮДИ И ФАКТЫ:
МАКС ЗИНГЕР
МИХ. РОССОВСКИЙ
И. СКЛЯРОВ

ЗА РУБЕЖОМ:
БЕЛА КУН
Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:
МАРИЭТТА ШАГИНЯ
И. АНИСИМОВ

М О С К В А
1 . 9 . 3 . 4

Открыта подписка

НА

„ИСТОРИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ“

Издание ее намечено в 15 томах большого формата, на специальной бумаге, в переплете и футляра.

«История гражданской войны» выходит под редакц. гг. ГОРЬКОГО, МОЛОТОВА, ВОРОШИЛОВА, КИРОВА, БУБНОВА, ГАМАРНИКА и СТАЛИНА. Стоимость каждого тома — 7 р. 50 коп. При подписке вносится задаток в 7 р. 50 коп.; он засчитывается при высылке последнего тома. Пересылка — за счет подписчиков, по ее стоимости.

Первый том выйдет из печати в третьем квартале 1934 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех отделениях, магазинах, базис, книжных Книготоргового Об'едни. КОГИЗ
КОГИЗ—ГЛАВНАЯ К-ра ПОДП. и ПЕРИОД. ИЗДАНИЙ. Москва, Маросейка, 7. Тел. 5-65-19

ИЗДАНИЕ
КОГИЗ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1934 г.

НА НОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ТВОРЧЕСТВО

Орган союза советских художников и скульпторов
Ответ. редактор О. М. БЕСЧИН

ТВОРЧЕСТВО

широко охватывает участие работников изобразительного искусства в социалистическом строительстве и борьбу передовых художников за стиль пролетарского искусства—социалистический реализм.

Ж У Р Н А Л

знакомит с жизнью и творчеством мастеров советского искусства и художественной молодежи.

РАССЧИТАН

на массового читателя, интересующегося искусством, и ставит себе целью способствовать росту новых кадров рабочих-критиков.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 м.—18 р., на 6 м.—9 р., на 3 м.—4 р. 50 к. Отд. номер—75 коп.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ (с № 1—январь) отделениями, магазинами, книжными и уполномоченными КОГИЗ и всюду на почте.

КОГИЗ—Гл. К-ра ПОДП. и ПЕРИОД. ИЗДАНИЙ. Москва, Маросейка, 7. Тел. 5-65-19.

Н О В Ы Й

М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

Ч Е Т В Е Р Т А Я

А П Р Е Л Ь

М О С К В А

1 . 9 . 3 . 4

Статформат В/5. 176 × 250.

Уполн. Главл. В—82032. Объем 1³/₄ п. л. по 64.000 знак. Техн. ред. В. Белокозь, Зак. 789. Тир. 50.000.

Тип. им. тов. И. И. Скворцова-Степанова «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. ВС. ИВАНОВ. — Похождения факира, роман	5
2. ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ. — Трактир, поэма	36
3. БОР. ПИЛЬНЯК. — Рассказы	41
4. ПАВЕЛ НИЗОВОЙ. — Недра, роман, окончание	49
5. АЛ. ТОЛСТОЙ. — Петр Первый, роман, окончание, книга 2-я	70
6. И. ЛЕЖНЕВ. — Записки современника	88

ЛЮДИ И ФАКТЫ:

7. МАКС ЗИНГЕР. — Герои Советского Союза	142
8. МИХ. РОССОВСКИЙ. — Уборочная	156
9. И. СКЛЯРОВ. — Жемчужина	187

ЗА РУБЕЖОМ:

10. БЕЛА КУН. — Вооруженные силы двух фронтов	201
11. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ. — Марафон танцев	211

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:

12. МАРИЭТТА ШАГИНЯН. — Беседы с начинающим автором, продолжение	216
13. И. АНИСИМОВ. — Андре Жид	223

Трактир

Поэма

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

Посвящение первое (ироническое)

Всем неудачникам — хвала и слава!
Хвала тому, кто в жажде быть

свободным,

Как дар, хранит свое дневное право —
Три раза есть и трижды быть

голодным.

Он слеп, он натывается на стены,
Он одинок. Он ковыляет робко.
Зато ему пребудут драгоценны
Пшеничный хлеб и жирная похлебка.
Когда ж, овеяно предсмертной ленью,
Его дыханье вылетит из мира, —
Он сытое найдет успокоенье
В тени обетованного трактира.

Посвящение второе (романтическое)

Увы, мой друг, мы рано постарели
И счастьем не насытились вполне:
Припомним же попойки и дуэли,
Любовные прогулки при луне.

Сырая ночь окутана туманом...
Что из того? Наш голос не умолк
В тех погребах, где юношам и пьяным
Не отпускают вдохновенья в долг.

Женаты мы. Любовь нас не волнует.
Домашней лирике приходит срок...
Пора! Пора! Уже нам в лица дует
Воспоминаний слабый ветерок.

И у сосновой струганой постели
Мы вспомним вновь в предсмертной
тишине

Веселые попойки и дуэли, —
Любовные прогулки при луне.

(Сцена изображает чердак в разрезе. От чердака к низким и рыхлым облакам подымается витая лестница и теряется в небе. Поэт облокотился о стол, опустив голову. На авансцену выходит чтец.)

Чтец:

Для тех, кто бродит по дворам
пустым

С гитарой и ученою собакой,
Чей голос дребезжит у черных

лестниц,

Близ чадных кухонь, у помойных ям,
Для тех неунывающих бродяг,

Чья жизнь, как немощеная дорога,
Лишь лужами и кочками покрыта,

Чье достоянье — посох пилигрима
Или дырявая сума певца, —

Для вас, о, неудачники мои,
Пройдет нравоучительная повесть
О жизни и о гибели певца.

А вы, имеющие теплый угол,
Постель и стеганое одеяло,

Вы, греющие руки над огнем,
Прислушиваясь к нежному ворчанью

Похлебки в разогретом котелке, —
Внемлите этой повести печальной
О жизни и о гибели певца.

Певец:

Окончен день, и труд дневной
окончен...

Башмачник, позабывший вколотить
Последний гвоздь в широкую

подошву,

Встречает ночь, удобно завалившись
С женою спать. Портной, мясник

и повар

Кончают день в корчме
гостеприимной

И пивом, и сосисками с капустой
Встречают наступающую ночь...
Десятый час! Теперь на скользких
крышах

Кошачьи начинаются свиданья,
Час воровской работы и любви,
Час вдохновения и час разбоя,
Час, возвещающий о жарком кофе,
О булках с маслом, о вишневой
трубке,

Об ужине и о грядущем сне...
И только я, бездельник, не узнаю
Чудесных благ твоих, десятый час...
И сон идет — и пухом задувает
Глаза... но только веки опущу —
И улица плывет передо мною
В сиянии разубранных витрин...
Там розовая стынет ветчина,
Подобная прохладному рассвету,
И жир, что обволакивает мясо,
Как облак, проплывающий в заре...
О, пирожки, обваренные маслом,
От жара раскаленной духовой
Коричневым покрытые загаром,
Вас нежный сахар инеем покрыл,
И вы лежите маслянистой грудой
Средь ржавых груш и яблок

восковых.

И в темных лавках, среди туш
висящих,

Меж ящиков и бочек солонины,
Я вижу краснощеких мясников,
Колбасников в передниках зеленых,
Я вижу, как шатаются весы
Под тягой гирь, как нож блестит
и сало,

Свистя, разрезывает на куски...
И мнится мне, что голод скользкой
мышью

По горлу пробирается в желудок,
Царапается лапками тугими,
Барахтается, ноет и грызет...

О, господи, ты дал мне голос
птицы,

Ты языка коснулся моего,
Глаза открыл, чтоб скрытое узреть,
Дал слух совы и сердце научил
Лад отбивать слагающейся песни...

Но, господи, ты подарить забыл
Мне сытое и сладкое безделье,
Очаг, где влажные трещат дрова,
И лампу, чтоб мой вечер осветить...
И вот глаза я подымаю к небу,
И руки складываю на груди,

И говорю: «О, боже, может быть,
В каком-нибудь неведомом квартале
Еще живет мясник сентиментальный,
Бормочущий возлюбленной стихи
В горячее и розовое ухо...
Я научу его язык словам,
Как мед, тяжелым, сладким
и душистым,
Я дам ему свой взор и слух,

и голос,

А сам подмышки фартук подвяжу,
Нож наточу, лоснящийся от жира,
И молча стану за дубовой стойкой
Медлительным и важным

продавцом...»

Но ни один из мясников не сменит
Свой нож и фартук на судьбу певца,
И жалкой я брожу теперь дорогой,
И жалкий вечер без огня встречаю —
Осенний вечер, поздний и сырой...

Чтец:

Так, что ни вечер, сетует певец
На господа и промысл небесный...
И вот — сквозь пенье скрипок

и фанфар,

Сквозь ангельское чинное хваленье —
Господь, сидящий на высоком троне,
Услышал скорбную мольбу певца
И так сказал:

Голос:

Сойди, гонец послушный,
С небес на землю. Там, в пыли
и прахе,

Измученного отыщи певца.
За руку возьми и приведи
Его ко мне, в мой рай обетованный;
Дай хлеб ему небесный преломить
И омочи его гортань сухую
Вином из виноградников моих...
Дай теплоту ему, и тишину,
И ложе жаркое приуготовь,
Чтоб он вкусил безделье и отдых.
Сойди, гонец...

Чтец:

И уж бежит к земле
По лестнице, высокой и скрипучей,
Гонец ширококрылый. И к нему
Все ближе придвигается земля...
Уже он смутно различает крыши,
Верхи деревьев, купола соборов,

Он видит свет из-за прикрытых
ставен

И в уличном сиянии фонарей
Вечерний город, смутен и спокоен.
По лестнице бежит гонец послушный,
Распугивая голубей земных,
Заснувших под застрехами собора.
И грузный разговор колоколов
Гонец вливает слухом непривычным...
Все ниже, ниже, в царство чердаков,
В мир черных лестниц, средь стропил
гниющих,

Бежит гонец, и в паутине пыльной
Легко мелькают ясная одежда
И крылья распростертые его...
О, как близка голодная обитель,
Где изможденный молится певец!
Так поспеши ж, гонец

ширококрылый,
Сильней стучи в незапертую дверь,
Чтоб он услышал голос избавленья
От голода и от скорбей земных.
(Стук в дверь).

Певец:

Кто в этот час ко мне стучит?
Сосед ли,
Пришедший за огнем, чтоб раскурить
Погаснувшую трубку. Иль, быть
может,
Товарищ мой, голодный, как и я?
— Войди, пришлец!

Чтец:

И в комнату идет
Веснушчатый и красный, и румяный,
Рассыльный из трактира, — и певец
Глядит на бойкое его лицо,
На руки красные, как сок
морковный,
На ясные, лукавые глаза,
Сияющие светом неземным.

Певец:

О, посещение странное! Зачем
Пришел ко мне рассыльный из
трактира?
Давно таких гостей я не встречал
С румянцем жарким и веселым
взглядом.

Гонец:

Хозяин мой вас приглашает нынче
Отужинать и выпить у него...

Певец:

Но кто же ваш хозяин, и откуда
Он знает обо мне?

Гонец:

Хозяин мой
Все песни ваши помнит наизусть, —
Хоть и трактирщик он, но все же
муза

Поэзии ему близка, — и вот
Он нынче приглашает вас к себе.
Скорее собирайтесь. Долог путь.
Остынет ужин прежде, чем дойдем,
И зачерствеет нежный хлеб
пшеничный.

Быстрее собирайтесь.

Певец:

Только в плащ
Закутаюсь и шапку нахлобучу...

Гонец:

Пора итти, хозяин ждать не любит...

Певец:

Сейчас иду! Где мой дорожный
шарф?

Чтец:

Они идут от чердаков сырых,
От влажных крыш, от труб,
покрытых сажей,
От визга кошек, карканья ворон
И звона колокольного — все выше
По лестнице, опасной и крутой.
Шатаются истертые ступени
Под шагом их... И ухватился крепко
За пальцы провожатого певец...
Все выше, выше, к низким облакам,
Сырым и рыхлым, сквозь дождливый
сумрак,

Раскачиваема упорным ветром,
Крутая лестница ведет гонца.
И падая, и оступаясь вниз,
И за руку вожатого хватаясь,
Певец идет все выше, выше, выше,
От ведливого холода дрожа.

Певец:

Опасен путь, и неизвестно мне,
Куда ведет он.

Г о н е ц:

Не волнуйся, ты
Сейчас найдешь уют-обетованный.

П е в е ц:

Но я боюсь! От сырости ночной
Скользит нога, и лестница трещит...

Г о н е ц:

Будь стойким. Не гляди через
перила,
Держись упорней! Вот моя рука,
Она крепка и удержать сумеет.

Ч т е ц:

Конец дороге, скользкой и крутой.
Раздергиваются облака, треща,
Как занавес из коленкора. Свет
От фонаря, повисшего над дверью,
Слепящей пылью дунул им в глаза.
И вывеску огромную певец
Разглядывает с жадным
любопытством...

Там кисть широкая намалевала
Оранжевую сельдь на блюде синем,
Малиновую колбасу и чашки
Зеленые с разводом золотым.
И надпись неуклюжая гласит:
«Заезжий двор — Спокойствие

сердец».

О, вечно восхваляемый трактир,
О, запах пива, пар, плывущий тихо
Из широко распахнутых дверей!..

У твоего заветного порога
Перекрестились все пути земные,
И вот сюда пришел певец и жадно
Глядит в незапертую дверь твою...
Да, лучшего он пожелать не смел:
Под потолком, где сырость

разрослась

Пятном широким, на крюках повисли
Огромные окорока, и жир
С них каплет мерно на столы

и стулья.

У стен, покрытых краскою сырой,
Большие бочки сбиты обручами,
И медленно за досками гудит,
Шипит и бродит хмель пивной.

А там,

На низких стойках, жареные рыбы
С куском салата, воткнутым во рты,
Коричневой залитые подливой,

Распластаны на длинных блюдах.

Там
Дырявый сыр, пропахший нежной
пнилью,

Там сало мраморным лежит пластом,
Там яблоч груды, и загар медовый
Покрыв их щеки пылью золотой...
А за столом, довольные, сидят
На стульях гости. Чайники кругом,
Как голуби ленивые, порхают,
И чай, журча, струится в чашки. Вот
Куда пришел певец изнеможенный.
И ангел говорит ему:

Г о н е ц:

Иди!
И за столом усядься, ты обрел
Столь долгожданное успокоенье.
Хозяин все тебе дарует!

П е в е ц:

Но...
Чем расплачусь я?

Г о н е ц:

Это только мзда
За песни, что слагал ты на земле...

Ч т е ц:

С утра до вечера — еда, и только...
Певец толстеет. Вместо глаз уже
Какие-то гляделки. Вместо рук —
Колбасы. А стихи давным-давно
Забыл он. Только напевает в нос
Похабшину какую-то. Недели
Проходят за неделями. И вот
Еда ему противной стала. Он
Мечтает о работе, о веселых
Земных дорогах, о земной любви,
О голоде, который обучил
Его стихам, о чердаке пустом,
О каплях стеарина на бумаге...
Он говорит:

П е в е ц:

Ну, хватит, погулял!
Теперь пора домой. Моя работа
Заброшена. Пусти меня. Пора!

Ч т е ц:

Но тот, кто пригласил его к себе,
Не отпускает бедного поэта...

Он лучшее питье ему несет,
Он лучшие подсовывает блюда:
Пусть ест! Пусть поправляется!

Зачем
Певцу земля, где голод и убийства?
Сиди и ешь! Чего тебе еще?

Певец:

Пусти меня. Не то я перебью
Посуду в этой комнате постылой.
Я крепок. Я от'елся, и теперь
Я буду драться, как последний
грузчик.

Пусти меня на землю. У меня

1919—1920 г.

Товарищи остались. Целый мир,
Деревьями поросший и водой
Обрызганный, в туманах и сияньях
Оставлен мной! Пусти меня! Пусти!
Не то я плюну в бороду твою,
Проклятый боров! Говорю: пусти!

Чтец:

Тогда раздался голос:

Голос:

Чорт с тобой!
Довольно! Уходи! Катись на землю!